ИЗ "ДИП" — ПОЧТЫ

Из письма переводчику романа "Расследование"

...Благодарю Вас за экземпляры "Детектива и политики" с моим "Расследованием"...

Ваш перевод я считаю удачным, что же касается трактовки моего романа, которым редакция сопроводила его публикацию в качестве послесловия, то убедительной она мне не показалась. Странно, что *никто* до сих пор не понял истинных мотивов, которые заставили меня написать роман так, чтобы "разгадка загадки" отсутствовала.

Между тем все это легко объяснимо. Долгое время, читая книги, я сравнивал структуры детективных романов со структурами (ходом следствия, преступлений, судебных процессов) подобных происшествий или так называемых злодеяний и их расследованием в реальной действительности. Я уловил следующие закономерности: во-первых, процент обнаружения преступников в разных странах и по разным видам преступлений различен, но стопроцентных показателей не существовало *никогда* и *нигде*; во-вторых даже если преступник (преступники) предстает перед судом, никогда не бывает так, чтобы ста процентам подсудимых выносились приговоры со стопроцентной убежденностью, что ход преступления, а тем самым часто и идентификация преступника произведены *безошибочно*.

Взять хотя бы убийства выдающихся личностей, таких, как президент Кеннеди. Известно ведь, что и поныне не установлено, как же все это происходило, не существовало ли заговора и был ли только один преступник? То же самое можно сказать и относительно покушения на Папу. Несмотря на то, что Агджа был схвачен и судим, поговаривают, будто у него имелся сообщник или сообщники, а куда тянутся нити этого заговора тоже неизвестно, хотя был задействован мощный полицейский аппарат. Итак, подведу итог: структура всех романов часто (в почти ста процентах) детерминирована; в реальной же жизни царит еще больший детерминизм не в том смысле, что убил *некто* или *никто*, и убийство осуществил, например, дьявол или дух, но в том, что *мы* — люди, полиция, судьи мы не в силах восстановить весь ход происшедшего. Свидетели же *всегда* хотя бы отчасти *недостоверны*, так как обманчива сама человеческая способность наблюдать, как и человеческая память. Я уж не говорю о том, что "летающие тарелки" видели тысячи свидетелей, то есть были *улики* и *свидетельские показания*, но нет ни одного неопровержимого доказательства (например случая, когда такая "тарелка" разбилась бы, потерпев катастрофу, а после столь затянувшейся болтовни по этому поводу, которая

Роман С. Лема "Расследование" опубликован в "ДиП" № 3, 4.

длится более 35 лет, хотя бы *однажды* такое должно было бы с ней произойти, ибо безотказной техники *нет* и быть не может. Зато имеются целые библиотеки о "тарелках" и о доказательствах их приземления)...

Итак, мне хотелось написать роман, раскрывающий структуру происшествий, распутать которые полиция не может, а наука не в состоянии предложить бо́льшее, нежели решения чисто статистического свойства. Ведь и это *типично* для уровня современной науки, например, теории эволюции или теоретической физики. Появились даже так называемые Теории хаоса. Таким образом, нетрадиционное развитие событий в романе "Расследование" в мировоззренческом и реалистическом смысле, как модель возможно считать даже более близким к действительности, чем те десятки тысяч романов и рассказов, в которых развитие событий происходит чисто рациональным образом, а мотивации преступников *однозначны* (если же автор не умеет их показать, то обычно использует версию безумия), а детективы и полиция тоже действуют чисто рационально, и в результате осечки никогда не бывает. Правда Эдгар Аллан По написал одну вещь (в данный момент не могу припомнить ее названия), в которой шла речь об исчезновении девушки, и там нет объяснения, кто ее убил и что вообще с ней произошло...

Если бы, однако, я написал роман о каком-нибудь "заурядном преступлении" вроде убийства с целью ограбления, а в итоге *не позволил бы* полиции найти преступника, то роман восприняли либо как нарушение определенной традиции, ибо читатель считает, что детективное произведение призвано показывать развязку тайны, либо, что может быть, существеннее, при рациональном мышлении всегда можно было бы сказать: разумеется, убийца *был* (как был тот, кто убил премьера Швеции Пальме), просто полиция не проявила достаточного профессионализма, и мой роман показывает *деятельность* плохой полиции, и ничего больше. Поэтому мне пришлось выйти за рамки заурядного преступления, создавая загадку, локализующий механизм которой (наш мир — это воздействие непостижимого для нас фактора) *невозможно* установить, и полицейского Грегори никто, разумеется, в отсутствии профессионализма обвинить *не сможет*. Для нас загадка — поведение электронов в микромире (волна — частица, но не волна и не частица), загадка — и нынешняя глобальная акселерация социально-политических перемен (то, что произошло такое непредсказуемое их ускорение), загадка — и само начало эволюции, возникновение разума и тому подобное, и только в детективном романе такие гении, что *всё до самого конца* они способны объяснить. Насколько все это принципиально противоречит всему реальному ходу *человеческого познания*, мне и хотелось показать. Показать, как это может выглядеть. Отсутствие окончательной развязки бывает *типичным*. Йети — снежный человек, которого видели не раз, видели его следы, но никто не сфотографировал его, никто не сумел поймать. Подобных примеров — тьма, и только наша людская *страсть* все упорядочить, наше ожидание, что сам ход причин и следствий можно *всегда однозначно воспроизвести*, приводит к тому, что сами перед собой мы делаем вид, будто то, у него нет финальной развязки, либо почти, либо вовсе *не существовало*.

"Расследование" в итоге говорит о том, что есть загадки, распутать которые мы не в состоянии, и что помимо этого мы не можем сказать: свидетельство ли это *нашего* бессилия, или первопричи-

на — в окружающем нас мире, то есть либо это результат ограниченности разума, либо неуловимость самой природы мироздания.

Если редакция пожелает, то вышеприведенные рассуждения в виде моего письма к Вам можно опубликовать в одном из очередных выпусков "Детектива и политики".

С сердечным приветом,

Краков, 15 марта 1990 г. *Станислав ЛЕМ*

— Да. Вы придете? — будто невзначай спросил Шеппард. Они стояли и смотрели друг на друга. Губы Грегори дрогнули, но он ничего не сказал. Шагнул к дверям. Он уже повернулся спиною к Шеппарду и взялся за ручку, но все еще чувствовал на себе его невозмутимый, спокойный взгляд. И, уже открывая дверь, бросил через плечо:

— Я приду!

Перевод с польского
Сергея Ларина

От редакции

Мы допускаем возможность некоей неудовлетворенности читателей, не обнаруживших, дочитав роман до конца, истинной развязки, которая распутала бы узлы туго закрученного сюжета, державшего их на протяжении повествования в неослабевающем напряжении. В самом деле, не мог ведь умный и талантливый автор просто-напросто сыграть с нами в итоге шутку, сочинив нечто вроде псевдодетектива? И как же в конце концов расшифровывается эта история о непонятных случаях квазивоскресения покойников, о бравом инспекторе Грегори, не верящем в чудеса, и подозрительном статистике Скиссе, которому приходят в голову нетривиальные аналогии и теории?

Ответов, на наш взгляд, может быть несколько. Можно, скажем, трактовать этот роман как своеобразную попытку полемики с самим жанром классического детектива. Допустим, что автор задался целью продемонстрировать читателю самый механизм возбуждения интереса к фабуле: он помещает героев в таинственно-мглисто-туманную атмосферу ночного Лондона, ведет его по скверно освещенным улицам, переулкам, дворам и интерьерам, заставляет настораживаться от загадочных звуков, шорохов и скрипов, наблюдать кошмарные сцены перемещения покойников. А потом оставляет один на один с неразрешенной загадкой, словно говоря ему: цель — ничто, движение — все.

Правда, в таком случае поединок с жанром оканчивается не в пользу экспериментатора: показать устройство инструмента еще не значит воспользоваться им по назначению. Ни один футбольный болельщик не откажется смотреть матч только потому, что ему показали, как надувают футбольный мяч.

Другим объяснением могло бы служить желание автора привить читателю вкус к парадоксальному прочтению характеров персонажей и их конфликта. При таком подходе окажется, что наш бравый, честный, неутомимый Грегори, с которым каждый любитель детектива мгновенно идентифицирует самого себя, — всего-навсего недалекий партнер гениального ученого Скисса (вроде доктора Ватсона при Шерлоке Холмсе), а задача автора заключалась в том, чтобы продемонстрировать извечное противостояние приземленно-агрессивного обыденного сознания и трагически-непостижимого научного мышления.

Но, может быть, дело и не в этом. Может быть, автор и не думал писать криминальный роман. А просто еще тогда, в 1959 году,

воспользовался его атрибутикой, как оболочкой, упаковкой, капсулой, в которую поместил (и заставил нас проглотить) драгоценную, спасительную для человечества идею о необходимости примирения здравого смысла и гениального откровения. Нам даже кажется, что в этом примирении Станислав Лем видит непременное условие выживания человечества в эпоху атомной и экологической угрозы.

Так, может, стоило закручивать тугую спираль псевдокриминального романа, чтобы, раскрутившись, она выстрелила в читателя одной-единственной мыслью: "Договоренность любой ценой".